

НИКИТА, ГРОМЧЕ!

Право на Я



ЗАПИСКИ НА ПОЛЯХ

Книга 1

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

СЭНСЭЙ МАКС

18+

Сэнсэй Макс

Никита, громче! Право на Я

<https://litres.ru/74583823>

SelfPub; 2026

Аннотация

Нику тридцать. Он аналитик, умный, ироничный — внутри головы. Снаружи — «да, конечно». Однажды под дождём, в коробке «ДАРОМ» у букинистической лавки, он находит потрёпанную книжку. На обложке одно слово: «ДОДЗЁ». И подпись: «С.». Внутри — двадцать одно задание, по одному на день. Страницы склеены и открываются, только когда выполнено предыдущее. А на полях — пометки прежних владельцев, разными почерками, в разные годы. Первое задание: утром, открыв глаза, сказать вслух одно слово. «Я». Роман, в котором задания настоящие: тренинг уверенности в общении, прожитый одним героем. Книга 1 серии «Записки на полях».

Содержание

Об этой книге	4
Пролог. Задний ум	5
День 1. Я	15
День 2. Молчите	24
День 3. Не уступайте	34
День 4. Тыкайте	44
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Сэнсэй Макс Никита, громче! Право на Я

Об этой книге

© Сэнсэй Макс, 2026. Все права защищены.

Серия «Записки на полях». Книга 1.

Это художественное произведение. Персонажи, компании и события вымышлены, любые совпадения случайны. Задания «Книги Сэнсэя» — тренинг уверенности в общении; техники описаны как общие принципы и не являются юридической, медицинской или психологической консультацией.

Пролог. Задний ум

— Мы тут с командой немного покопались в возвратах,
— сказал Артур и щёлкнул пультом.

На экране появился график Ника.

Не похожий. Не «вдохновлённый». Его собственный. С той же кривой синей линией, которую Ник три недели выгрызал из таблицы на сорок тысяч строк. С той же красной точкой над четвёртым складом. С той же подписью по вертикальной оси, где он по привычке написал «количество» с двумя «л».

Опечатку Артур не заметил. Артур вообще не замечал мелочей. Он был крупным человеком во всех смыслах: плечи, голос, часы, улыбка, которая входила в комнату раньше него.

— Короче, — сказал Артур. — Тридцать один процент возвратов — это не клиенты-психи. Это упаковка на четвёртом складе. Коробки не того размера, товар внутри болтается и приезжает битым. Мы это нашли, мы это посчитали, и мы, если честно, немного собой гордимся.

Кто-то хохотнул. Директор по операциям — сухой человек в сером, которого в офисе звали Калькулятором, — чуть подался вперёд. Для Калькулятора это было много. Обычно он не подавался никуда.

— Хорошая работа, — сказал Калькулятор. — Кто конкретно считал?

И тут была пауза. Маленькая, на полсекунды. Потом Ник прокрутит её в голове раз двести и будет знать её длину точнее, чем свой рост. В эту паузу можно было поднять руку. Можно было сказать: «Я». Одна буква. Даже не слово — звук, который издаёт человек в кресле у стоматолога.

Ник сидел в третьем ряду, у окна. У него нагрелись уши, и он опустил глаза в ноутбук. Там был открыт тот самый файл: «возвраты_ник_финал_2_точно_финал.xlsx».

— Вся команда, — сказал Артур и развёл руки, будто обнимал зал. — У нас не принято тянуть одеяло на себя. Мы — одна команда.

Все закивали. Одна команда — это было красиво. Ник тоже кивнул. Заметил, что кивает, когда уже закончил.

Через стол на него посмотрела Вера из закупок. Вера, на которую он три года старался не смотреть слишком долго, потому что если смотреть долго, это заметно, а если заметно — надо что-то делать, а что делать, он не знал. Сейчас она смотрела сама. Так смотрят на человека, который уронил бумажник и не наклонился. Потом она отвернулась, и Ник целую секунду видел только её затылок, собранные наспех волосы и тонкую шею над воротником. Ему стало стыдно вдвойне: за паузу — и за то, что даже сейчас, в эту минуту, он смотрел на её шею.

...

Остаток дня был нормальным. Это было хуже всего.

Ник ответил на девять писем, переименовал два столбца и

съел в столовой котлету, которая называлась «по-домашнему», хотя у него дома так никто не готовил. В лифте Артур хлопнул его по плечу:

— Слушай, красиво вышло. Скинь мне потом исходники, ладно? Калькулятор хочет покопаться.

— Да, конечно, — сказал Ник.

«Да, конечно». Два слова, которые он произносил чаще, чем собственное имя. Иногда ему казалось: если его разобрать, как матрёшку, внутри окажется Ник поменьше, который говорит «да, конечно». А внутри того — ещё меньше. И так до самого крошечного, размером с рисовое зерно. И тот тоже говорит «да, конечно», только очень тонким голосом.

Шёл мелкий дождь — такой, который не падает, а висит. Ник пошёл домой пешком, хотя идти было сорок минут. Злость надо было куда-то девать, а в трамвае её девать некуда.

Злость пришла на пятой минуте. На десятой он уже разговаривал.

«Кто конкретно считал?» — «Я считал. Я. Вот этими руками, три недели. Хотите исходники? Там, кстати, на оси опечатка — ваш Артур её даже не увидел».

Нет. По-детски.

«Артур, спасибо, что представил мой анализ. Я готов ответить на вопросы по методике».

Вот. Спокойно, по-взрослому, с достоинством. Калькулятор бы кивнул. Вера бы не отвернулась. А Артур... Артур бы

улыбнулся и сказал: «Ну конечно, Ник, мы все знаем, какой ты у нас скромный гений». Все бы засмеялись, и обидеться было бы нельзя — это же комплимент. Артур так умел. Он бил шуткой, как подушкой, в которую защит кирпич.

Ник прошёл мимо своего поворота и не заметил.

«А кто считал?» — «Мы». Мы, мы, мы. Как будто посреди переговоров стоит корова и мычит.

Вот это было хорошо. Это надо было сказать. Четыре часа назад, а не сейчас, под дождём, перед закрытой букинистической лавкой, мимо которой он ходил сто раз и ни разу не зашёл.

У двери лавки стояла размокшая картонная коробка. На боку маркером: «ДАРОМ».

Ник наклонился. Зачем — потом не мог объяснить. Может, хотелось хоть что-то за этот день взять себе.

В коробке лежало то, что всегда лежит в таких коробках. Кулинарная книга без обложки. «Самоучитель игры на шестиструнной гитаре». Три тома чьего-то собрания сочинений, разбухшие, как хлеб в луже. И тонкая книжка в мягкой серой обложке, почти без корешка.

На обложке было одно слово, крупно, без картинок: **ДОДЗЁ**.

И внизу, в углу, мелко, как подпись под письмом: «С.»

Ник хмыкнул. Два года назад он купил абонемент в зал единоборств на соседней улице. Сходил на одну тренировку. Двадцать минут смотрел, как люди бьют по мешкам и рычат

на выдохе, как тренер — невысокий, с перебитым носом — ходит между рядами и никого не хвалит. Потом тренер посмотрел на Ника. Просто посмотрел, секунды две. Ник сказал, что забыл выключить утюг, ушёл в раздевалку и больше не вернулся. Абонемент до сих пор лежал в ящике стола — пропуск туда, где его не было.

Он сунул книжку под куртку, чтобы не намокла. Зачем — тоже не мог объяснить.

...

Дома он бросил её на подоконник. Разогрел вчерашние макароны. Открыл ноутбук, закрыл ноутбук. Зашёл в рабочий чат, где были все, кроме Артура, и написал: «Командная работа — это когда один работает, а команда гордится». Посмотрел. Удалил. Написал: «Ну, главное, что клиенты довольны)))». Отправил.

Три человека поставили смеющийся смайлик. Ник смотрел на три смайлика, и у него было чувство, будто он сам себе дал пощёчину, а потом сам себе сказал: «Да мне пофиг».

Ему правда было пофиг. Он даже произнёс это вслух, на пустой кухне:

— Мне пофиг.

Кухня промолчала. Холодильник что-то обдумал и затих.

Около полуночи он взял книжку с подоконника — она мешала открыть окно. Провёл по обрезау большим пальцем. Страницы не пролистнулись. Они были склеены — не пятнами, как от сырости, а ровно, по краю, будто кто-то аккуратно

прошёлся клеем по всему блоку. Все, кроме самых первых.

«Книжка для качков», — решил Ник. Отжимания, раскладки, «стань альфой за тридцать дней». Он кинул её в кресло в углу. Книжка шлёпнулась обложкой вниз.

...

В три часа ночи Ник лежал и смотрел в потолок. Фары проезжающих машин рисовали на нём медленные светлые трапеции.

«Кто конкретно считал?»

Пауза. Полсекунды.

В этот раз он поднимал руку. В этот раз он говорил «я», в зале становилось тихо, Калькулятор поворачивался к нему всем корпусом, а Артур... Ник переигрывал сцену снова и снова, как видео с ошибкой, которое ставишь на повтор в надежде, что в следующий раз оно покажет другой конец. В десятой версии он был остроумен. В двадцатой — ледяной. В тридцатой он вставал, закрывал ноутбук и уходил из компании навсегда, а через год Артур приходил к нему устраиваться на работу. Эта версия нравилась ему больше всех, и поэтому за неё было стыднее всего.

В три двадцать он включил торшер и взял книжку из кресла. Не потому что поверил. Просто всё остальное в квартире он уже перечитал.

С изнанки обложки кто-то писал. В несколько рук, в разные годы, как на двери в общественном туалете, только приличнее:

Говорят, С. сидел.

(другим почерком, ниже) Враньё. Он был учёным.

(карандашом, совсем мелко) Монахом он был. А вы оба дураки.

Первая страница открылась легко. Без заголовка. Шрифт старый, чуть поплывший, как в книгах, которые печатали быстро и дёшево лет двадцать назад. Ник прочитал три строки и сел на край кровати.

...

КНИГА СЭНСЭЯ

Вступление

«Книга должна быть топором для замёрзшего моря внутри нас».

— Франц Кафка, письмо Оскару Поллаку, 1904

Вот ты думаешь, что уверенность придёт, если ты будешь ходить в зал. Будешь бить мешок, выучишь пару приёмов — и всё. Это иллюзия. Я в ней тоже когда-то жил.

Можно прекрасно бить ногой в зале и краснеть у кассы, когда тебе нахамила продавщица. Можно ходить на спарринги три года — и отвести глаза в трамвае, когда на тебя уставился какой-то тип. Единоборства не учат тебя общаться. Смущение в жизни просто не даст тебе применить то, чему ты научился в зале.

Посмотри, как это бывает. Сначала — взгляд. Тяжёлый, пристальный, лезущий прямо внутрь. Ты отводишь глаза: ну его, не нарываться. Ты думаешь, что ты просто неконфликт-

ный. А он думает, что ты слабый. И переходит к словам: «Чего смотришь? Ты чего такой?» Потом — дистанция: он уже на расстоянии руки. Потом — руки. А ты всё это время пасуешь, потому что ты «в мирной жизни», а в мирной жизни такого не бывает.

Бывает. Каждый день. Контролёр, начальник, продавщица, человек в очереди, водила, который тебя подрезал. Прохожие демоны. Каждый бросает тебе маленький вызов. А ты — в ступоре.

А потом, ночью, ты гениален. Потом ты точно знаешь, как надо было. Гоняешь, переигрываешь, казнишь себя. Мы все сильны задним умом.

Этому никто не учил. Ни папа, ни мама, ни дядя, ни тётя. В лучшем случае сказали: «Он тебя ударил — дай ему в ответ». Очень бедная стратегия. Нужна гибкость. Нужен спарринг — только не кулаками, а словами. Вербальный спарринг.

И для этого не надо искать зал. Зал уже вокруг тебя. Вся твоя жизнь — додзё: место, где познают себя, где тренируются и где падают. Не отделяй одно от другого. Не жди, пока тебя схватят за грудки, чтобы проснуться. Будь не реактивным, а проактивным.

Здесь двадцать одно задание. По одному на день. Выполнять неукоснительно — с утра и до вечера. Книга — это хорошо. Но только практика меняет нас.

ОСС.

...

Ник дочитал и прочитал ещё раз.

Это писали не про него, конечно. Про всех. Такой приём, как в гороскопах: «Вы часто сомневаетесь в себе». Все сомневаются. Но «мы все сильны задним умом» было про три часа ночи. Про потолок. Про трапеции от фар.

Внизу, на поле, была приписка от руки. Синяя шариковая ручка, выцветшая до цвета старых джинсов, почерк наклонный, с острыми углами:

Я тоже не верил. — 2011

Ник потрогал буквы пальцем. Ручка продавila бумагу. Человек писал с нажимом.

Он перевернул страницу.

Она была почти пустой. Посередине — одна буква, чёрная, огромная, на полстраницы:

Я

Под ней — несколько абзацев мелким шрифтом. Задание номер один. Ник прочитал его дважды и засмеялся — впервые за этот день. Смех в пустой квартире прозвучал странно, как чужой.

Следующая страница не поддавалась. Он подцепил её ногтем, потом, поколебавшись, краем ножа для масла — и тут же отдернул руку: бумага начала рваться, а клейка держала, будто её прошили.

Ник поставил будильник на семь, выключил торшер и уже в темноте вспомнил, что под огромной «Я» было что-то ещё.

Он включил свет обратно.

У самого нижнего края, другими чернилами — чёрными, старыми, почти коричневыми, — кто-то вывел одно слово. Почерк был спокойный и ровный, не похожий ни на один из тех, что на изнанке обложки.

Громче.

День 1. Я

КНИГА СЭНСЭЯ

Задание 1. Я-кай

«Если не я за себя, то кто за меня? Но если я только за себя — кто я?»

— Гиллель, «Пиркей Авот»

Сегодня утром, открыв глаза, ты говоришь первое слово: «Я».

Громко. Чётко. С гордостью и уверенностью. Не «блин», не «опять», не «ой». «Я».

И весь день — вместо расплывчатого, туманного «мы» — чёткое и независимое «я». Не «мы тут подумали» — «я думаю». Не «нам кажется» — «я так считаю». Не «хорошо бы» — «я хочу».

Хвастайся. Всем, что у тебя есть. Всем, что ты сделал — сегодня или двадцать лет назад. Неважно когда. Это сделал ты. Это сделал я. Никаких «мы» здесь нет. Здесь есть только я.

Зачем? Послушай, как ты говоришь. «Мы решили». «У нас так принято». «Нам бы хотелось». Удобное слово «мы»: за ним прячешься, как за спинами в строю. Никто конкретно не решил, никто конкретно не виноват, никто конкретно не хочет. Послушай, как оно звучит: мы-ы-ы. Так разговаривает стадо — мычит. А стадо держит тебя в рамках: будь как все,

не высовывайся, не выпячивайся.

Для этого у стада есть хорошее слово — «скромность». Разбери его. С-кром-ный: тот, кто держится своей кромки. Своего края. Отведённых ему границ. Кто их тебе отвёл? Ты или стадо?

Так вот. Сегодня противопоставь свою личность этому хаосу, этому стаду. Почувствуй её. Вставляй в речь постоянно, с нажимом: «Это я тебе говорю». «Я так считаю». «Я думаю так». «Я хочу». Настаивай и утверждай своё «я» — со всеми, с кем встретишься, среди всех этих маленьких «я» вокруг. Не таких уникальных. Не таких особенных, как ты.

Забудь на сегодня, что нужно быть скромным и нельзя себя выпячивать. Отложи размышления о грехе гордыни. Это не философия жизни. Это задание. Его нужно сделать, чтобы прочувствовать эту область и получить личный опыт.

Тут ум обычно огрызается: «Это же эгоизм. Что обо мне подумают?»

Пусть думают что угодно. Это ненадолго.

Каждое задание в этой книге рассчитано на один день. Или на всю жизнь — если какая-то его часть окажется твоей. Смысл не в том, чтобы стать другим, а в том, чтобы пощупать себя разного. Завтра будет задание, которое этому противоречит. Так и задумано.

Когда-нибудь мы спросим, кто он вообще такой, этот «я». Но не сегодня. Нельзя отпустить то, чего у тебя нет. Сначала его надо найти.

На сегодня:

— утром, первым словом, вслух: «Я»;

— весь день «я» вместо «мы», с нажимом;

— похвастаться хотя бы одному человеку. Чем угодно;

— если живёшь не один, предупреди близких, что выполняешь задание. Какое — не говори, испортишь эффект.

Какая нахер разница, как у тебя получится.

Ты сказал.

Значит, ты так сказал.

Только практика меняет нас.

ОСС.

На полях

(синяя ручка, наклонный почерк) Сказал «я» в лифте. Соседка перекрестилась. — 2011

(карандаш, круглые буквы, без заглавных) а я не смогла. только шёпотом. — 2016

...

Будильник не понадобился. Ник проснулся в шесть пятьдесят две и восемь минут лежал, глядя в стену, собираясь с силами, как перед прыжком в холодную воду.

Смешно. Одна буква.

Он открыл рот, и оттуда вышло:

— Й-а.

Звук был такой, какой издаёт осёл, если его разбудить до рассвета. Ник полежал ещё. За стеной у соседей бубнило радио. На кухне капал кран, который он собирался починить

с весны.

Громче.

— Я, — сказал Ник потолку. Уже лучше. Уже похоже на слово.

Потом, сам не зная зачем, он сел на кровати, выпрямился и сказал так, как не говорил, кажется, никогда в жизни — на всю грудь:

— Я!

За стеной замолчало радио. Секунды через три включилось снова, чуть тише, будто соседи прислушивались.

Ник сидел на кровати, взлохмаченный, в футболке с логотипом конференции по аналитике две тысячи девятнадцатого года, и чувствовал себя полным идиотом. Идиотом, которого только что кто-то услышал.

Это было как первый глоток кофе. Только без кофе.

...

У подъезда, на лавке, как всегда, сидел человек из третьего подъезда. Лысый, в спортивном костюме, с термосом и ногами, вытянутыми поперёк дорожки. Ник, как всегда, обошёл ноги по газону.

— О, спортсмен, — сказал человек из третьего подъезда ему в спину. Ник спортсменом не был. Это было понятно им обоим.

Ник не обернулся. «Я не спортсмен», — ответил он мысленно. Мысленно было не считается. Он это знал.

...

На офисной кухне Стас из соседнего отдела колдовал над кофемашиной.

— Будешь? Мы тут с ребятами думаем пиццу на обед заказать, ты в деле?

Ник сделал вдох.

— Я буду. Я... — Он запнулся, и потом неожиданно для себя сказал: — Я, кстати, в шестом классе выиграл городскую олимпиаду по математике.

Стас замер с чашкой в руке. Кофемашина за его спиной мучительно загудела, выдавливая последние капли.

— Ок, — сказал Стас. — Круто. А пицца-то?

— Я хочу пепперони.

— Все хотят пепперони, — сказал Стас и ушёл, оглянувшись в дверях.

Ник остался один с гудящей машиной. Уши горели. «Хвастайся всем, что сделал двадцать лет назад». Он сделал это восемнадцать лет назад. Получилось почти по инструкции.

В дверях появилась Вера. Её кружка с надписью «Не сегодня» стояла на верхней полке, и Вера потянулась за ней на цыпочках. Блузка выбилась из юбки, и над поясом на секунду открылась полоска кожи — светлой, с тенью у позвоночника. Ник уставился в кофемашину так, будто в ней показывали новости.

Вера сняла кружку, одёрнула блузку и посмотрела на него.

— Ты чего красный?

— Я... — начал Ник. «Я» получилось. Дальше — нет. —

Я выпался.

— Непохоже, — сказала Вера и ушла.

...

Планёрка была в десять. Артур шёл по списку быстро, весело, раздавая задачи, как карты.

— По возвратам: готовим расширенную версию для Калькулятора к пятнице. Мы в прошлый раз зашли хорошо, надо закрепить. — Он нашёл глазами Ника. — Ник, скинешь нам исходники до обеда?

Вот она. Полсекунды.

Ник почувствовал, как пустеет живот, как в лифте, который резко поехал вниз. «Да, конечно» уже стояло у него во рту, готовое, тёплое, привычное, как старые тапки.

— Я скину, — сказал Ник. Голос вышел хриплым. Он откашлялся. — Я их сделал. Я их и скину.

Стало тихо. Не как в кино — не «гробовая тишина». Просто кто-то перестал печатать.

Артур улыбнулся. Широко, тепло, всеми зубами.

— Ник у нас сегодня в ударе! — сказал он. — Ребят, давайте похлопаем Нику. Он сделал исходники!

И захлопал. Кто-то подхватил. Стас хлопал громче всех. Кто-то засмеялся — не зло, а так, как смеются, когда начальник пошутил и надо засмеяться. Подушка с кирпичом. Ник почувствовал, как краснеет весь, от воротника до макушки, и уставился в стол.

Артур уже перешёл к следующему пункту.

Ник сидел и слушал, как колотится сердце. Было стыдно. Было очень стыдно. И под стыдом было что-то ещё, чему он не знал названия. Как будто в комнате, где он жил тридцать лет, кто-то на сантиметр сдвинул шкаф — и за шкафом оказалась дверь.

Он сказал. Не ночью. Не в душе. Не на прогулке под дождём. Сейчас.

Когда планёрка закончилась, он заметил, что Вера не хлопала. Она сидела, подперев подбородок, и смотрела на него. Не как вчера. Как-то по-другому. С любопытством, что ли. Как смотрят на кота, который вдруг встал на задние лапы.

...

Мама позвонила в обед.

Мама звонила по воскресеньям. Сегодня был четверг.

— Никитушка, ты чего не звонишь?

— Мам, сегодня четверг.

— Ну и что. Я почувствовала. У тебя всё хорошо? Ты поел?

— Я поел. Я... ем пиццу. Я выбрал пепперони.

Пауза.

— Ты какой-то не такой, — сказала мама. — Ты стал какой-то не такой.

— Я такой, мам.

— Вот. «Я, я». Раньше ты говорил «мы с тобой». «Мы с тобой, мама, съездим». Помнишь? А теперь «я».

Ник помнил. Они так и не съездили.

— Ты там ни с кем не связался?

— Я связался с книжкой.

— С какой ещё книжкой?

— Я потом расскажу.

— Опять «я», — вздохнула мама. — Ну ладно, ладно. Я же за тебя переживаю. Ты же у меня один.

— Прости, мам, — сказал Ник. Сказал раньше, чем подумал. «Прости» выскочило само, как мячик из-под дивана.

Потом он долго смотрел на остывающую пищу и думал, за что именно извинился.

...

Вечером он сел на кухне с листком и попытался посчитать. Сколько раз сказал «я». Сколько раз — «мы», по привычке, не заметив. Он был аналитиком. Ему было проще, когда посчитано.

«Я» — двадцать три. Если считать утреннее «й-а» — двадцать четыре.

«Мы» — сорок с чем-то. Дальше он сбился.

«Да, конечно» — не сказал ни разу.

Последнюю строчку он перечитал трижды. Потом взял книгу, открыл на странице с огромной «Я» и долго смотрел на поля. На синюю ручку две тысячи одиннадцатого. На карандаш две тысячи шестнадцатого: «а я не смогла. только шёпотом». Ему захотелось ответить этому человеку с круглым почерком. Сказать ему: я тоже думал, что не смогу.

В книгах он не писал со школы. Там за это ставили двойку.

Ник взял ручку и под карандашной строчкой вывел, мелко, аккуратно, как в тетради:

Я сказал. Кажется, никто не заметил.

Посмотрел. Зачеркнул вторую половину. Написал рядом:

Заметили. Смеялись.

Подумал. И ниже, крупнее, с нажимом, так что ручка продавila бумагу:

Я сказал.

Когда он закрывал книгу, уголок следующей страницы, склеенный ещё вчера намертво, отошёл — сам, с тихим сухим треском, как отходит пластырь. Ник осторожно, двумя пальцами, раскрыл разворот.

Там тоже было одно слово на полстраницы.

Молчите

Ник прочитал задание. Книга советовала сделать его в выходной, когда не придётся отвечать начальству на вопросы.

Выходного не было. Была пятница. В пятницу в десять Артур показывал Калькулятору возвраты.

И Ник должен был на этом совещании молчать.

День 2. Молчите

КНИГА СЭНСЭЯ

Задание 2. Молчи

«У нас два уха и один рот — чтобы большие слушать и меньшие говорить».

— Зенон Китийский (по Диогену Лаэртскому)

Молчи. Сегодня твоё задание — просто молчать. Соблюдать тишину.

Вчера ты орал «я». Сегодня ни звука. Противоречие? Да. Привыкай, в этой книге их будет много. Так и задумано: пройдёшь её — побудешь и там, и там, и там. Пощупаешь себя разного.

Это задание учит слушать. Потому что мы иногда не за-
тыкаемся — и поэтому хреново слышим.

Посмотри, почему ты встречаешь в разговор. Не потому, что тебе есть что сказать. А потому что «ну надо же что-то сказать, иначе что обо мне подумают». Мы говорим, потому что не уверены. Вот парадокс: болтовня — от неуверенности.

Разбери слово «перебивать». Пере-бить. Ты перебиваешь человека — ты его бьёшь. Слово за слово, удар за удар. А тот, кто молчит, не подставляется. К нему не за что ухватиться.

Очень старая практика, между прочим. На санскрите — мауна, обет молчания. Монахи берут его, чтобы стать осо-

знание. Вот и ты сегодня прикоснулся к вековым традициям. На один день.

Правила простые. Не спрашивают — не отвечаешь. Не обращаются — молчишь. Можно слушать. Можно кивать: грустно так, с пониманием, со страданием. Вздыхать можно. Не переживай, что это выглядит грубо или по-хамски. Ты имеешь право хранить молчание.

Лучше делать в выходной, чтобы начальство не выпрашивало, почему ты сегодня такой молчаливый, и прочую херню. И предупреди близких. Скажи: сегодня я выполняю задание. А то вызовут скорую.

И главное. Молчи снаружи — но и внутри сохраняй молчание. Рот закрыть легко. Попробуй заткнуть того, кто разговаривает у тебя в голове.

Бонус: весь день ты будешь выглядеть очень загадочно. Таинственный человек, сам себе на уме.

Завтра — пожалуйста: изливай словесные потоки, блистай риторикой. Но это завтра.

А сегодня — молчим.

ОСС.

На полях

(синяя ручка) Молчал на свадьбе брата. Больше не зовут.
— 2011

(карандаш) это легче чем «я». я так всю жизнь. — 2016

...

Пятница началась с того, что Ник чуть не сказал «доброе

утро» чайнику.

Он жил один восемь лет и только сейчас заметил, что разговаривает с вещами. С чайником. С ноутбуком, который долго грузится: «ну давай, давай». С носком, который спрятался под кроватью: «и где ты, зараза». Выходит, никакой тишины у него дома никогда не было. Был он сам, который всё время бубнил.

Он закрыл рот и налил кипяток молча.

Тишина продержалась секунды четыре. Потом внутри включилось радио.

...Калькулятор спросит — а ты молчишь. Уволят. Нет, не уволят, за молчание не увольняют. А если спросит напрямую? Кивнёшь. Как идиот. Надо было перенести задание на выходные. Книга же сама написала: лучшие в выходной. Но тогда это было бы враньё, потому что ты бы просто спрятался. А это не враньё? Ты и так прячешься. Ты всю жизнь...

Ник поставил чашку и стоял посреди кухни с таким лицом, будто пытается расслышать далёкий поезд. Снаружи было тихо. Внутри орал целый вокзал.

«Внутри сохраняй молчание», — вспомнил он. Ну-ну.

...

В трамвае он впервые слушал.

Не музыку в наушниках, не подкаст на полторы скорости. Просто — трамвай. Как скрипит на повороте. Как женщина позади рассказывает в телефон про чью-то свекровь, ко-

торая «вообще-то не имела права». Как подросток напротив три раза начинал фразу, обращённую к девушке рядом, и три раза не заканчивал. Ник узнал эти три незаконченных фразы. Он сам говорил так всю школу.

В лифте Стас спросил:

— Ну что, пицца вчера зашла?

Ник кивнул. С пониманием.

— Ты чего?

Ник пожал плечами и вздохнул. Грустно. Со страданием.

Стас посмотрел на него внимательно и сказал:

— Понял. Пятница.

И вышел на своём этаже. Это оказалось так просто, что Ник проехал лишний этаж.

...

Совещание было в десять. Переговорка «Байкал» — Ник так и не узнал, кто давал им названия, — стеклянная коробка с длинным столом и видом на парковку. Калькулятор сидел во главе стола и ничего не писал. Перед ним лежал блокнот и дорогая ручка, но за всё время он взял её в руки один раз.

Артур вышел к экрану, как выходят на сцену.

— Итак. Мы продолжаем историю, которая вам в прошлый раз понравилась.

Ник слушал.

Раньше на таких совещаниях он был занят другим: готовил, что скажет, если спросят; проверял в ноутбуке цифры; мысленно спорил. Теперь сказать было нельзя. И оказалось,

что когда говорить нельзя, освобождается очень много места.

Он заметил, что Артур за три минуты сказал «мы» одиннадцать раз. Считать он начал с третьего, так что, может, и больше.

Заметил, что Артур трогает часы, когда не уверен. Не всегда — только перед цифрами.

Заметил, что Калькулятор смотрит не на слайды, а на Артура. А берёт ручку, только когда звучит число.

Заметил, что Вера сидит у стены, не за столом, закинув ногу на ногу, и туфля у неё держится на одних пальцах и покачивается в такт чему-то, что она про себя думает. Ник следил за этой туфлей дольше, чем за Артуром. Молчащему, оказывается, можно смотреть — никто не ждёт, что ты вступишь реплику, и глаза свободны.

Потом он заметил, что Вера смотрит не на экран, а на него. На Ника.

Он отвёл глаза. Старая привычка. Потом вернул.

— Хорошо, — сказал Калькулятор, когда Артур закончил. — Один вопрос. Сезонность вы учитывали? Декабрь в выборке есть?

— Безусловно, — сказал Артур и тронул часы. — Мы всё нормировали. Там коэффициент... — Он повернулся к залу. — Ник, напомни коэффициент?

Все повернулись к Нику.

У Ника во рту уже стояло готовое «да, конечно». Тёплое,

мягкое, привычное, как старые тапки. За ним — коэффициент, ноль восемьдесят семь, он помнил его наизусть. Сказать было так просто. Артур ведь даже не соврал. Мы нормировали. Мы — одна команда.

Ник посмотрел на Артура. И кивнул. Медленно. Грустно. С пониманием.

И вздохнул.

Прошла секунда. Потом вторая. На третьей стало слышно, как гудит проектор.

— Ник у нас сегодня без голоса, — сказал Артур и улыбнулся залу. — Простыл, бедолага. Я потом уточню и пришлю.

Ник не простывал. Он не подтвердил и не опроверг. Он просто сидел.

Калькулятор посмотрел на него. Долго. Так, наверное, он смотрел на таблицу, в которой не сходится итог.

— Интересно, — сказал Калькулятор. — Тогда пусть Ник пришлёт методику письменно. Мне. — Он чуть наклонил голову. — Без голоса ведь можно писать?

Ник кивнул.

Калькулятор взял ручку — второй раз за совещание — и что-то записал. Ник видел, что это было не число.

...

Вера села напротив него в столовой, хотя он её не звал и хотя вокруг было полно свободных мест.

Рукава блузки у неё были закатаны до локтя, и Ник, ко-

торому сегодня было нельзя говорить, смотрел на её руки. Тонкие запястья. Ремешок часов, чуть великоватый, сползший к ладони. Светлые волоски на предплечье, которые видно только против окна. На ключице — тонкая цепочка, и на ней что-то маленькое; он не мог разглядеть, что именно, а наклониться было бы уже слишком. За три года он ни разу так долго на неё не смотрел. Раньше он был занят тем, что придумывал, что сказать. Сегодня говорить было нельзя — и оказалось, что вместо слов освобождаются глаза.

— Вчера ты кричал «я» на весь этаж, — сказала она. — Сегодня ты немой. Ты в секте?

Ник покачал головой.

— Моргни два раза, если тебя держат в заложниках.

Ник моргнул два раза.

Вера засмеялась — коротко, в кулак, будто её застали врасплох. Ник понял, что никогда раньше не видел, как она смеётся. И что сегодня он рассмешил её, не сказав ни слова. Ему ужасно захотелось отвести этот кулак от её губ — осторожно, двумя пальцами — и посмотреть, какой у неё смех без кулака. Он сжал вилку и не пошевелился.

— Артур говорит, ты простыл.

Ник медленно покачал головой.

Вера перестала смеяться. Посмотрела на него, потом через зал — туда, где Артур стоял у кассы и что-то рассказывал двум стажёрам, и стажёры хохотали.

— Понятно, — сказала Вера. Встала, взяла поднос. — Ко-

гда заговоришь — расскажешь.

«Расскажу», — ответил Ник мысленно. Мысленно не считалось. Но в этот раз он и не собирался считать.

...

Маму он, конечно, не предупредил.

В три часа — пропущенный. В три пятнадцать — ещё один. В три двадцать — сообщение: «Никита ответь». В три двадцать две: «Никита я волнуюсь». В три двадцать шесть: «Если не ответишь через пять минут звоню в полицию».

Ник посмотрел на экран и вспомнил: «А то вызовут скорую». Книга знала маму лучше, чем он.

Он написал: «Мам, всё хорошо. Я сегодня молчу. Так надо. Завтра позвоню».

Ответ пришёл через девять секунд:

«Кому надо?»

И через минуту:

«Это та книжка?»

Ник положил телефон экраном вниз. Мама не знала ничего ни про какую книжку. Он сказал ей вчера одну фразу. Одну. И она всё поняла. Мама всегда всё понимала. Просто всегда не то.

...

Дома было тихо, а в голове — нет.

Радио к вечеру стало тише, но не выключилось. Оно прокручивало совещание, но уже как-то иначе. Не «что надо было сказать», а «что я увидел». Одиннадцать «мы». Часы. Руч-

ка Калькулятора. Вера у стены.

Ник сел на подоконник с книгой и открыл страницу «Молчите». Прочитал пометку карандашом: «это легче чем «я». я так всю жизнь».

Он тоже так думал. Утром. Он чемпион по молчанию. Он молчал на школьных линейках, на проводах друзей в армию, на собственном дне рождения, когда начальник предыдущей работы поднял тост «за нашего тихоню». Он молчал, когда Артур забрал его график. Он был, можно сказать, профессиональный молчун.

И никто никогда этого не замечал.

А сегодня он молчал один день — и заметили все. Стас. Вера. Калькулятор. Даже мама, за восемьсот километров.

В чём разница? Рот был закрыт одинаково.

Ник взял ручку. Под карандашной строчкой он написал — мелко, но уже без зачёркиваний:

Я тоже так думал. Но это другое молчание. Раньше я молчал, чтобы спрятаться. Сегодня — нарочно.

Подумал и дописал:

Снаружи одинаково. Внутри нет.

Уголок следующей страницы отошёл сам, с сухим тихим треском. Ник уже знал этот звук. Он раскрыл разворот двумя пальцами.

Не уступайте

В этот момент на телефоне загорелись два уведомления.

Одно за другим, с разницей в двенадцать минут, как будто кто-то их нарочно так расставил.

Первое, 18:40, от Калькулятора:

«Жду методику до понедельника. Лично мне».

Второе, 18:52, от Артура:

«Ник, методику сначала мне, я причешу и сам отправлю.

Мы же команда» — и смайлик с поднятым большим пальцем.

Ник посмотрел на два письма. Потом на страницу.

Страница выбирать не помогала. Она просто говорила: не уступай.

День 3. Не уступайте

КНИГА СЭНСЭЯ

Задание 3. Не уступай

«Ты же не уступай беде — смелее иди ей навстречу».

— Вергилий, «Энеида», VI

Сегодня — не уступай. Никому, нигде и ни под каким предлогом.

Место в транспорте. Очередь в кассу. Проход в дверях. Спорное решение. Где угодно.

Потому что очень часто тебя мягко или грубо вынуждают отступить. Сдать позицию. А тебе неудобно и страшно отказать. Печалька-то какая. Ты сразу думаешь: я же тогда плохой человек. Грубый, чёрствый, равнодушный. И мягко стелешься.

Послушай, что ты говоришь себе в этот момент. «Я же мать». «Я же мужчина». «Старших надо уважать». «Девочек не обижать». «Я же воспитанный». Вроде бы не грубо, да? Мягенько так. «Знаю своё место».

А какое место? Так тебя и задвигают — мягенько, вежливо — под нары, под нижнюю шконку. На место у параша, папаша. И ты ещё благодаришь.

Разбери слово. У-ступить. Ступить в сторону. Сойти со своей ступени. Каждый раз, когда ты уступаешь не потому, что хочешь, а потому, что неудобно, — ты делаешь шаг

прочь от себя.

Сегодня твой день. И всё вокруг — твоё. Ты имеешь на это полное право.

Тут важно не перепутать. Задание не «стань хамом». Задание — вернуть себе выбор. Хочу — говорю. Хочу — молчу. Хочу — уступаю. Хочу — не уступаю. По ситуации. Но решаешь ты. Не общество, не «так принято», не кто-то старше или младше, не мужчина и не женщина. Какая разница, кто перед тобой? Разница в том, кто решает.

Ум сейчас подсунет картинку: бабушка с палочкой, а ты сидишь, развалившись. Подсунул? Отлично. Вот и посмотри: это ты сам решил или тебе стыдно? Одно и то же движение — встать — может быть свободой, а может быть поводом.

На сегодня:

- место в транспорте, очередь, дверь, спорное решение
- не уступай по привычке;
- каждый раз, когда тянет уступить, спроси себя: я хочу
- или мне неудобно отказать?
- вечером вспомни хоть один раз, когда ты не уступил.

И хоть один — когда уступил, потому что сам захотел.

Хорош быть благодетелем.

Не уступай.

Или уступи.

Но сам.

ОСС.

На полях

(*синяя ручка*) Хамство чистой воды. Пропускаю. — 2011

(*карандаш, ниже*) не хамство. я уступила место сама, по-

тому что захотела. первый раз в жизни не злилась. — 2016

...

Ник проснулся и сказал:

— Я.

Никто его об этом не просил. Задание «Я» было позавчерашним. Просто после целого дня молчания голос сам хотел проверить, на месте ли он. Голос был на месте. Хриплый, как будто он действительно простыл.

Потом он лежал и думал про два письма.

«Лично мне» — от Калькулятора. «Сначала мне» — от Артура. Двое хотели одно и то же. Нет, не так. Калькулятор хотел методику. Артур хотел, чтобы Ник уступил.

Ник решил, что разберётся с этим после завтрака. Это было не решение, а отсрочка, и он это знал.

Потом он думал про Веру. Это вышло само: про два письма думалось трудно, а про Веру — легко, как будто мысль скатилась с горки. Как она смеялась в кулак. Как качалась туфля на пальцах. Какая она, интересно, в субботу утром — не в блузке, а в какой-нибудь растянутой футболке, с распущенными волосами, босиком по холодному полу. Он представил её у себя на кухне, у этого самого чайника, в его футболке с конференции девятнадцатого года, которая ей, конечно, велика и сползает с плеча...

Ник сел на кровати так резко, будто его застали. Уши горели. Один, в пустой квартире, в семь утра — и уши горели.

«Ты с ней за три года сказал слов сорок, — сообщил он себе. — Половина из них — „да, конечно“».

...

В субботу утром у пекарни на углу всегда очередь: единственное место в районе, где хлеб пекут не из замороженного теста. Ник стоял пятым, за женщиной с коляской, когда с улицы, не глядя ни на кого, вошёл человек из третьего подъезда.

Лысый, в том же спортивном костюме, с тем же термосом под мышкой. Он прошёл вдоль очереди, как проходят мимо мебели, и встал прямо перед Ником. Между Ником и коляской. Как будто там всегда было его место.

Никто ничего не сказал. Женщина с коляской сделала вид, что поправляет одеяльце. Старик позади Ника внимательно изучал ценник на булочках с маком.

Ник почувствовал знакомое. Уши. Живот. Лифт вниз. Внутри уже всё было готово — старое, отработанное: промолчать, чуть отступить, чтобы не стоять вплотную к этой спине, потом прийти домой и полчаса рассказывать потолку, что надо было сказать.

Не уступай. Никому, нигде и ни под каким предлогом.

— Я стоял, — сказал Ник.

Получилось тихо. Человек из третьего подъезда не обернулся.

Громче.

— Я здесь стоял, — сказал Ник громче. Так громко, что женщина с коляской вздрогнула. — Вы — за мной.

Теперь человек обернулся. Медленно, всем корпусом, как поворачивается тяжёлая дверь. Посмотрел на Ника сверху вниз. Потом снизу вверх. Очень спокойно, как смотрят на товар, который подумывают купить.

— И чё? — спросил он.

У Ника пересохло во рту. Сердце стучало так, что, кажется, было видно через куртку. Он понятия не имел, «и чё». Он не знал, что говорят дальше. В книге об этом не было ни строчки.

Он просто стоял. И не отступил.

Прошло, наверное, секунды три. Для Ника — около года. Потом человек из третьего подъезда усмехнулся.

— Смотри-ка, — сказал он. — Спортсмен голос прорезал. И сделал шаг назад. За Ника.

Всю оставшуюся очередь Ник чувствовал затылком его дыхание. Он купил хлеб, который не хотел, потому что забыл, какой хотел. Руки у него дрожали, когда он брал сдачу. На выходе, когда дверь уже закрывалась, в спину ему прилетело — негромко, почти дружелюбно:

— Я тебя запомнил, спортсмен.

...

В трамвае было свободное место у окна, и Ник его занял. Мыслями он всё ещё был в пекарне, в том дыхании в затылок

и в этом «запомнил».

На третьей остановке вошла женщина лет пятидесяти пяти в пальто с меховым воротником и с большой, но явно лёгкой сумкой. Прошла по вагону, где было ещё несколько свободных мест, и остановилась прямо над Ником. И вздохнула. Так, как вздыхают, чтобы услышали в соседнем вагоне.

— Молодёжь нынче, — сказала она в пространство.

Ник посмотрел на свободное место через проход. Потом на неё. Она на место через проход не смотрела. Она смотрела на Ника.

И тут он понял, как это устроено. Ей не нужно было сесть. Ей нужно было, чтобы он встал.

Внутри заработал весь хор, который книга расписала утром. *Я же плохой человек. Чёрствый. Равнодушный. Меня так не воспитывали. Мама бы со стыда сгорела.* Хор был громкий и очень убедительный. Ник слушал его и не вставал.

— Вот раньше, — сказала женщина громче, — раньше место уступали!

Мужчина у двери оторвался от телефона и посмотрел на Ника с укором. Ещё кто-то хмыкнул.

У Ника горели уши. Он смотрел в окно. Он не встал.

Это было ужасно. Это было гораздо хуже, чем с лысым в пекарне, потому что лысый был явным злодеем, а эта женщина — чьей-то мамой, и весь вагон был на её стороне. Ник ехал две остановки и умирал. Он был уверен, что умирать будет ещё минимум неделю.

На пятой остановке вошёл старик. Совсем старый, в кепке, с палочкой. Он ничего не сказал и ни на кого не посмотрел — просто взялся за поручень трясущейся рукой и стал смотреть в пол, чтобы не мешать.

Ник встал.

Он не успел об этом подумать. Он заметил, что встал, уже стоя. И сразу же — это было самое странное — заметил, что хотел встать. Не стыдно было. Не «надо». Хотелось.

— Садитесь, — сказал он.

— Спасибо, сынок, — сказал старик и сел, осторожно, в два приёма.

Женщина в пальто всплеснула руками.

— Ага! Значит, дедушке можно, а мне нельзя?

Ник повернулся к ней. Посмотрел, и в первый раз за весь этот разговор — в глаза.

— Да, — сказал он. — Ему — захотел.

Женщина открыла рот и не нашла, что туда положить. Мужчина у двери снова уткнулся в телефон. Кто-то в конце вагона засмеялся — коротко, по-доброму.

Ник вышел на следующей остановке, хотя ему было не сюда. Ноги его немного не держали. Он прошёл пешком квартал и только тогда понял, что улыбается.

...

После обеда он сел за методику.

Это была лёгкая часть. Числа всегда были лёгкой частью. Шесть страниц: откуда данные, как чистил, почему декабрь

отдельно, как считал коэффициент сезонности, ноль восемьдесят семь, где слабые места и что бы он проверил ещё. Он писал её три часа, и это были лучшие три часа за неделю, потому что в числах никто не забирал его график и никто не стоял над душой, вздыхая.

Потом он открыл почту.

«Кому». Курсор мигал.

Можно было отправить Артуру. «Сначала мне, я причешу». Артур бы причесал. Вычистил бы «я проверил» и «я считаю», вставил бы «мы», поставил бы себя в подпись. И всё было бы как всегда: тихо, мягко, без конфликта. Ник бы уступил, а Артур бы остался доволен. Все были бы довольны, кроме одного человека, которого, по правде говоря, никто и не спрашивал.

Хочу — уступаю. Хочу — не уступаю. Но решаешь ты.

Ник вписал в «Кому»: Калькулятор.

Подумал. В «Копию» вписал Артура. Не прятаться — это тоже было важно. Он не собирался ничего делать за спиной. Он просто не собирался уступать.

Тема: «Возвраты — методика (по вашему запросу)».

Отправить.

Потом, не закрывая почту, он открыл чат с Верой. Последнее сообщение там было трёхмесячной давности: «Счёт по поставщику скинешь?» — «Да, конечно».

Он написал: «Спасибо, что в четверг не хлопала».

Посмотрел. Стёр «в четверг». Вписал обратно. Добавил:

«И за „моргни два раза“». Потом стёр всё целиком, потому что это было похоже на признание, а на признание у него не было ни задания, ни смелости. Курсор мигал в пустом поле, как будто ждал.

Ник закрыл чат. Методику Калькулятору отправить оказалось проще, чем восемь слов Вере.

Через четыре минуты пришёл ответ от Артура. Всего один смайлик: поднятый большой палец.

Ник был аналитиком. Он знал, что у этого эмодзи минимум одиннадцать значений. И что в субботу вечером, в ответ на письмо, отправленное через твою голову, ни одно из них не бывает хорошим.

...

Вечером он открыл книгу на странице «Не уступайте» и долго читал спор на полях.

Синяя ручка, 2011: «Хамство чистой воды. Пропускаю».

Карандаш, 2016: «не хамство. я уступила место сама, потому что захотела. первый раз в жизни не злилась».

Уступила. Значит, женщина. Ник впервые представил себе этого человека с круглым почерком без заглавных — не «кого-то», а её. Шёпотом говорила «я». Всю жизнь молчала. И вот тут, на этой странице, в первый раз не злилась.

Он хотел ответить им обоим. Синему — что это не хамство. Карандашу — что он тоже. Сегодня. В трамвае.

Он написал:

Не уступил тётке — не захотел. Уступил деду —

захотел. Не уступил лысому в очереди — потому что...

И остановился. Потому что — что? Потому что было не страшно? Было страшно так, что дрожали руки. Потому что он смелый? Смешно.

Он сидел над этим «потому что» минут десять. Потом дописал:

...потому что уступить было страшнее.

Посмотрел на эту строчку и не понял, правда это или нет. Решил не зачёркивать.

Уголок следующей страницы отошёл с тем же сухим треском.

Тыкайте

Ник прочитал задание и сначала рассмеялся: это было самое лёгкое задание на свете. Он с детства говорил маме «ты». Он говорил «ты» Стасу, Вере, Артуру. Всему офису. Весь мир давно перешёл на «ты».

Потом, скорее по привычке аналитика, он взял листок и выписал в столбик всех, кому говорил «вы».

Первым в списке оказался Калькулятор.

Вторым — человек из третьего подъезда.

Третьей — женщина в трамвае.

Ник посмотрел на столбик и понял: «ты» он говорит тем, кого не боится.

День 4. Тыкайте

КНИГА СЭНСЭЯ

Задание 4. Тыкай

«Пустое вы сердечным ты / Она, обмолвись, заменила...»

— А. С. Пушкин, «Ты и вы»

Тыкай. Сегодня — всем без разбора.

Не обязательно грубо. Можно мягко. Вкрадчиво. «Ты». Можно: «Эй, ты». Грубовато звучит, да? А можно: «Ты мой друг». «Ты мой друг, я тебя люблю». С любыми интонациями. Пробуй все.

Мы привыкли думать, что тыкать — неправильно. Грубо. Некультурно. Это догмы, которые вбили в тебя с самого детства. А на самом деле «ты» — нейтральное слово. Это обращение к человеку, который перед тобой в количестве одной штуки.

Разбери «вы». Это множественное число. Говоря одному человеку «вы», ты обращаешься к нему как к нескольким. Раздуваешь его до размеров толпы. А рядом с толпой ты сам, понятное дело, маленький.

Придётся нарушить табу: «со старшими — только на вы». Что делать? У тебя задание. Ты должен его выполнить.

И посмотри внимательно, кому тебе труднее всего сказать «ты». Это очень интересный список.

Всё, выполняем.

ОСС.

На полях

(*синяя ручка*) Сказал «ты» тестю. Ужинаем молча. Зато честно. — 2011

(*карандаш*) с детьми на ты, с мужем на вы. проверила. так и есть. — 2016

...

Список лежал на кухонном столе с вечера. Три строчки, написанные его аккуратным почерком аналитика:

1. Калькулятор.
2. Человек из третьего подъезда.
3. Женщина в трамвае.

С третьей строчкой всё было просто: он её больше никогда не увидит. Первая была недоступна до понедельника. Оставалась вторая.

Ник выглянул в окно. Лавка у подъезда была пуста. На ней стоял только термос — синий, с облупленной крышкой. Как будто хозяин отошёл на минуту. Или как будто оставил его нарочно, чтобы все знали: место занято.

Ник смотрел на термос довольно долго. Потом решил, что до второй строчки он пока не дорос, и сам удивился, как спокойно об этом подумал. Раньше он бы сказал себе: трус. Сейчас сказал: не сегодня.

...

На лестнице он столкнулся с Тамарой Павловной с пятого этажа.

Тамара Павловна жила в этом доме дольше всех, дольше, кажется, самого дома. Восемь лет Ник говорил ей «здравствуйте, Тамара Павловна» и «спасибо, Тамара Павловна», когда она отдавала ему посылки, пришедшие в его отсутствие. Больше они не разговаривали ни разу. Сейчас она поднималась по лестнице с двумя пакетами из магазина, оставаясь на каждой площадке. Лифт опять не работал.

— Давайте я... — начал Ник по привычке. И остановился. Тамара Павловна подняла на него глаза.

— Давай помогу, — сказал Ник. И, пока не передумал: — Тамара Павловна. Давай сюда.

Она не отдала пакеты сразу. Она стояла и смотрела на него снизу вверх с таким выражением, будто на лестнице с ней заговорил кот.

— Ну давай, — сказала она наконец. — Раз ты такой.

Он донёс пакеты до пятого этажа. Внутри звякали банки, пахло укропом. У двери она сказала: «Зайди, раз уж донёс», — и он зашёл, потому что отказать после «ты» было как-то невозможно, словно он сам открыл дверь, которую теперь нельзя было закрыть.

У Тамары Павловны была кухня размером с его ванную, календарь позапрошлого года на стене и фотография мужчины в военной форме, очень молодого.

— Мой, — сказала она, заметив, куда он смотрит. — Тридцать лет, как нету.

Она налила ему чаю в чашку с отбитой ручкой и постави-

ла вазочку с сушками. Ник пил чай, а Тамара Павловна рассказывала. Про мужа, который пел, когда брился. Про сына, который звонит из другой страны раз в месяц и всегда торопится. Про соседку со второго, которая ворует газеты из ящиков, «я точно знаю, я видела».

Потом замолчала и сказала, глядя в окно:

— Меня тридцать лет никто на «ты» не звал. Всё «Тамара Павловна» да «Тамара Павловна». Врачи, соседи. Сын и тот... — Она махнула рукой. — А я Тома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.